

**ПОНИМАНИЕ СОКРАЩЕННОГО ИЛИ НЕОДНОЗНАЧНОГО
ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СОЧЕТАНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО
ОПЫТА ЧИТАТЕЛЯ¹**

Норман Борис Юстинович

доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета
220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4;
ведущий научный сотрудник
проблемной лаборатории компьютерной лексикографии
Уральского федерального университета
6200083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
boris.norman@gmail.com

Цель статьи – описать закономерности восприятия и понимания высказываний, которые появились в результате преобразований во внутренней речи говорящего и могут быть истолкованы слушающим (в частном случае читателем) по-разному. Показано взаимодействие в этом процессе лексических и грамматических значений с когнитивным опытом носителя языка. Приводятся примеры из современной художественной литературы на русском языке с комментариями (интерпретацией). С психолингвистических позиций объясняется появление в тексте отклонений в выборе морфологических форм и синтаксических конструкций, а также нарушение правил лексической сочетаемости. Особое внимание уделяется ситуации синтаксической омонимии (когда словоформе в рамках фразы может быть приписана разная синтаксическая зависимость). Установлена связь внутренних структурных преобразований, которые происходят в сознании говорящего и слушающего, с общими тенденциями развития грамматики русского языка на современном этапе. Среди них рассматриваются стремление к ослаблению синтаксических связей, активизация формы именительного падежа, опора на лексико-семантические ассоциации, сжатие синтаксической структуры и т.д. Делается вывод, что сочетание структурного и когнитивного подхода к тексту может быть продуктивно (плодотворно) с позиций прагматики.

Ключевые слова: говорящий, слушающий, восприятие, понимание, внутреннее преобразование, лексическое значение, грамматическое значение, синтаксическая структура

Введение

В июне 2020 года в России произошел забавный лингвистический казус. На фоне общей наэлектризованной обстановки, обусловленной внесением поправок в Конституцию Российской Федерации, оказалось, что в бюллетенях для голосования была предложена следующая формулировка:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

«Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?»

Не надо обладать особой филологической квалификацией, чтобы понять, что перед нами – синтаксическая ошибка. Следовало бы сказать или «...изменения, вносимые в Конституцию...», или «...поправки к Конституции...». Понятно, что ошибка эта не меняла суть дела: гражданам России был достаточно ясен смысл вопроса. Но сам по себе данный речевой факт симптоматичен. Он свидетельствует о том, как стихийно формирующиеся нормы разговорной речи влияют на прочие жанрово-стилистические разновидности русского языка, в том числе официальную документацию.

В ежедневной разговорной речи мы то и дело слышим (и сами произносим): *На Пушкина сходите?* (где предлог *на* употребляется вместе с родительным падежом существительного, чего, по правилам, быть не должно) или *Дальше под или по?* (имеется в виду: «под мостом» или «по мосту»). Подобные отклонения от литературной нормы уже давно стали объектом внимания исследователей разговорной речи, ср. диалог:

А. *А рядом стояла ушла?*

Б. *Рядом предупредила*

[Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 208].

Попадают такие факты и в письменные тексты – художественные, публицистические, технические, рекламные. Примерами могут послужить словосочетания вроде *сапоги Италия* ‘сапоги итальянского производства’ или *опель автомат* ‘автомобиль марки «опель» с автоматической коробкой передач’ [Норман 2013]. Приемлемые и даже естественные для разговорной речи, подобные конструкции легализуются и укореняются в сознании обычного человека. Упомянутые «изменения в Конституцию» – это такой же оборот, как *сапоги Италия*.

Оставим эту погрешность на совести авторов официального документа. Но возникает вопрос: как рядовой носитель языка оперирует текстами, возникшими в результате довольно сложных семантико-синтаксических преобразований? Всегда ли он способен правильно понять такой текст? И что ему в этом помогает?

Эти вопросы возникают в рамках, по В.А. Звегинцеву, «объясняющего» (или объяснительного) подхода к речевым фактам. Ученый писал: «Лингвистика до самого последнего времени была наукой о «словесном составе фразы», она строила «грамматику произнесения». И именно на такую лингвистику ориентировалось рассмотрение проблемы взаимоотношения языка и мышления» [Звегинцев 1996: 171]. Но не менее, чем «грамматика произнесения», важна «грамматика умолчания», анализирующая те процессы, которые протекают в голове у носителя языка.

Анализ фактического материала

Рассмотрим несколько фрагментов художественных произведений.

Потом был День театра и меня пригласили выступить в «Китайский летчик» (Л. Петрушевская. От первого лица).

Структура этого предложения напоминает рассмотренную конструкцию *одобрять изменения в Конституцию*, но предыстория ее иная. Имеется в виду, что писательницу и актрису пригласили в известный московский клуб «Китайский летчик» выступить с концертом (авторским вечером). Пригласили в клуб «Китайский летчик», а не «выступить в клуб»! Стремление сократить изложенную информацию привело к обороту, который можно понять как *выступить в* + винительный падеж существи-

тельного (языковым аналогом мог послужить и глагол *вступить*, управляющий аккумулятивом с предлогом *в*). Читатель же (особенно знакомый с московскими реалиями) без труда связывает приглашение с планируемым в клубе концертом. Очевидно, набор лексических значений в данном случае оттесняет на периферию тонкости грамматической организации фразы, но это не отменяет общих принципов взаимодействия единиц разных языковых уровней. Кооперативный и компенсаторный характер этого взаимодействия позволил в свое время В.Г. Адмони ввести понятие «партитурного строения речевой цепи»:

«Предложение как единица речевой цепи с точки зрения выраженного в нем смыслового содержания представляет собой целый ряд параллельно развертывающихся и синтезирующихся линий, образующихся из целого ряда параллельных и налегающих друг на друга лексических и грамматических значений» [Адмони 1961: 5].

К этому стоило бы добавить только факт участия в речедетельностных процессах когнитивного опыта, который не обязательно имеет языковое выражение. Однако соотношение этого «здорового смысла» и языковых знаний составляет предмет отдельной дискуссии. Так, некоторые исследователи считают, что между языковой интерпретацией и когнитивным осмыслением нет прямой связи [Schaner-Wolles, Haider 1987:77]. Рассмотрим этот тезис применительно к следующим примерам.

Вот и закинул профессору насчет работы. В журнале у Марицы как раз убили фотолаборанта. То есть убили, конечно, не в журнале, а в метро, здесь важен лишь факт (А. Боссарт. Повести Зайцева).

Писательница, очевидно, понимает, что выражение *в журнале убили фотолаборанта* может быть понято неправильно, и вынуждена остановиться и пояснить: *убили, конечно, не в журнале...* и т.д. Что же предшествовало в сознании человека этой неудачной, неоднозначной фразе? По-видимому, исходная мысль в полном своем составе была примерно такой: 'в редакции журнала, с которым связана уже известная читателю Марица, работал фотолаборант. И вот его в городе, в метро, убили'. В ходе обработки этого исходного смысла сочетание *редакция журнала* легко превращается в *журнал* (это стандартный случай метонимического переноса). То, что Марица имеет к журналу прямое отношение, выражается очень кратко: *журнал у Марицы*. Вместе с тем, ясно, что Марица – не хозяйка (владельница) журнала, иначе было бы сказано: *в журнале Марицы*. Синтаксические детали участвуют в формировании смысла, исследователи подтверждают это на материале самых разных языков, ср.: [Tallerman 1998: 202–203; Dietrich 2007: 42–46 и др.].

А раз *журнал* в упомянутой цитате – это не печатное издание, а предприятие или учреждение, то общепонятно, что в нем работают, и это смысловое звено тоже можно опустить. В результате две или даже три пропозиции (смысловые структуры) объединяются на выходе в одно высказывание. А разобраться в этих метаморфозах читателю помогает, с одной стороны, жизненный опыт (он знает, что для издания журналов нужны редакции; в них работают люди; одной из таких должностей является фотолаборант и т.п.), а, с другой стороны, типовые значения падежных форм (*журнал у Марицы*) и стандартные механизмы речевых переносов (*журнал 'редакция журнала'*).

Утром следующего дня они предупредили дома, что вовремя из школы не придут по причине пионерского мероприятия (Л. Улицкая. Дар нерукотворный).

Вряд ли взгляд читателя задержится на этом предложении. А, между тем, для лингвиста оно примечательно. Слово *дома* здесь выполняет нетипичную для наре-

чия функцию. Фактически это – не «где», а «кого», т.е. ‘предупредили домашних’ (членов семьи, родителей). Можно было бы построить и более развернутый вариант исходной пропозиции: ‘дети предупредили тех, кто оставался дома’ и т.п. Но вряд ли это необходимо. В сознании носителя языка есть устойчивое представление о том, что семья держится на определенных людях (родителях), и именно с ними, ответственными, связывается понятие «дом».

Вместе с тем, вступают в действие языковые знания. Глагол *предупреждать* в русском языке имеет три обязательные «валентности»: кто предупреждает, кого предупреждает и о чем предупреждает. «Кто» предупреждает и «о чем» предупреждает – здесь сказано. А «кого» предупреждает? Ответ один – *дома*. Так наречие окказионально принимает на себя роль дополнения в структуре фразы!

В следующей цитате употреблено неожиданное словосочетание *столовая впроголодь*:

*А напротив, на набережной, – Нахимовское училище. И пацаны туда идут. Там кормят, одевают и делают мужчин – суровая романтика воинов моря. Шейки тоненькие, **столовая впроголодь**, в классах холодно* (М. Веллер. Имени Нахимова).

Понятно, что перед нами – нарушение норм комбинаторики русского языка: *впроголодь* обычно сочетается с глаголами *жить* или *питаться*. С точки зрения готового текста, *впроголодь* здесь – несогласованное определение к *столовая*. Но, чтобы понять, как эта связь возникла, надо реконструировать исходную, более полную семантическую структуру: ‘столовая, в которой нахимовцев кормят, но все равно живут они, можно сказать, впроголодь’. Эллипсис одних членов предложения сопровождается перестройкой значительной части всей структуры. Но носитель языка получает нужный смысл, опираясь на комбинацию лексических значений слов *столовая* и *впроголодь*: его жизненный опыт позволяет вывести из их сочетания некую результирующую.

Синтаксис же здесь, можно сказать, оказывается излишним или, во всяком случае, случайным. Подобные примеры нередки (и списывать их за счет речевой небрежности автора нельзя); фактически это те же *сапоги Италия* и т.п. Заметим, что внутренние преобразования и сокращения структуры фразы часто приводят к функциональному перерождению наречных или предложно-падежных форм: из глагольной зависимости они переходят в подчинение к существительному и становятся несогласованными определениями.

*Сергей полез на черемуху, сказал, тут еще дикая малина; я лежу на земле, недалеко за кустами пьяный лежал и женщина проходила, спрашивала, не наши ли друг. **Раз я в траве, то и он наш знакомый*** (Е. Харитонов. Духовка).

Последняя фраза по форме – типичное сложноподчиненное предложение. Об этом сигнализируют союз *раз* и соотносительное слово *то*. Основой для противопоставления служит 1-е лицо (*я*) в придаточной части и 3-е лицо (*он*) – в главной. Однако причинно-следственная связь тут не улавливается, и фраза выглядит абсурдной. Для ее понимания необходимо не только знание предшествующего контекста, но и реконструкция полного смысла. Он выглядит примерно так: ‘раз я лежу в траве, то, возможно (по мысли женщины), и лежащий неподалеку пьяный – из нашей компании’. Грамматическая структура высказывания «оплодотворяется» содержанием всей ситуации.

И добавила, что срок жизни любого сорта яблок – лет сорок, после чего им снова нужно заниматься: се-лек-ци-они-ро-вать. А зачем, думал Илюша: сорок лет – это ж какая даль незаглядная! Это ж коммунизм давно будет, не то что – яблоки (Д. Рубина. Желтухин).

В этой цитате обращает на себя внимание несочетаемость наречия времени *давно* со сказуемым *будет*. Но соотношение сроков жизни яблони («40 лет») с декларированным в 1960-е годы развитием общей ситуации в Советском Союзе («через некоторое время наступит коммунизм») позволяет образовать такое своеобразное время «будущее в прошедшем». Смысл: 'к тому времени, когда у яблони окончится свой срок, уже давно будет существовать коммунизм'. Учет знаний о мире делает возможной не вполне правильную, с точки зрения языка, конструкцию.

Опять года на три в дубль посадят! Я и так, может быть, свой расцвет в запасе провел. Нет уж, спасибо за доверие (Д. Иванов, В. Трифонов. Пенальти).

Дубль здесь значит 'дублирующий состав', а *свой расцвет в запасе провел* – 'расцвет своей футбольной карьеры провел, находясь на скамейке запасных'. Развитие вторичных значений у слов *дубль* и *запас* вполне соответствует правилам метонимического переноса. А в остальном понимание данного фрагмента зависит от компетенции читателя – от его представления о структуре спортивного клуба, правилах игры и психологии спортсмена. Точнее сказать, адекватность понимания зависит от того, насколько совпадают «ментальные миры» говорящего и слушающего: «Результат общения активно конструируется ментальной грамматикой слушающего» [Jackendoff 1994: 163].

Рассмотренные примеры можно считать характерными для современной русской художественной литературы. Г.Н. Акимова назвала данный тип прозы, формирующийся с середины XIX века, актуализирующим [Акимова 1990: 10–13]. Ему присущи признаки синтаксической расчлененности, или «рассыпчатости»: ослабление связей между словами, сжатие и упрощение конструкций, сокращение словоизменительной парадигмы и т.п. Все эти явления лежат в русле давно отмечающейся тенденции к аналитизму грамматического строя русского языка.

Двоякая синтаксическая связь

Особо нужно сказать о случаях, когда высказывание допускает различную (двоякую или даже тройную) расстановку связей между словами. В зависимости от той или иной обнаруженной связи меняется и общий смысл высказывания. Иногда он меняется существенно, иногда – незначительно, но в любом случае адресат должен сделать свой выбор. Покажем это тоже на нескольких примерах.

Но ни разу, как я ни тарашил глаза, мне не удавалось победить приступ глубокого детского сна без сновидений (В. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона).

Предложно-падежная форма *без сновидений* может быть отнесена либо к глаголу (*победить без сновидений* – слабое управление), либо к существительному (*сон без сновидений* – несогласованное определение). Какой вариант выберет читатель? Речь в цитате идет о мальчике, который обычно спит глубоким сном. Но он пытается насильно («тараща глаза») перебороть себя, не дать себе заснуть. Представляют ли собой сновидения некую альтернативу сну? Нет, это нелогично, непонятно. Остается принять атрибутивную трактовку выражения *без сновидений: глубокий детский сон*

– это сон без сновидений! Срабатывает принцип здравого смысла – приоритета, который один смысловой вариант получает в глазах носителя языка над другим. Добавим к этому, что если бы писатель хотел выразить иную мысль, он мог бы предпочесть иной порядок слов, например: *мне не удавалось без сновидений победить приступ глубокого детского сна*.

– *Тише, тише! А то соседи снизу сейчас прибегут интересоваться, что это за стадо слонов у нас по квартире скачет... – минуту спустя раздался в коридоре приятный женский голос* (Л. Есина. ДюймВовочка).

Наречие *снизу* можно соотнести либо с предыдущим существительным *соседи* (*соседи снизу* – это ‘жильцы нижней квартиры’), либо с глаголом *прибежать* (*соседи прибегут* откуда? – *снизу*). Понятно, что разница между этими смысловыми вариантами невелика, но первый из них кажется естественнее: шум мешает людям, живущим внизу. А откуда эти потревоженные соседи прибегут, в общем-то, и неважно. С языковой же точки зрения, данная ситуация связана с внутренней трансформацией синтаксической структуры: словоформа, изначально относившаяся к глаголу, переходит в подчинение к существительному и становится несогласованным определением.

Проблема двоякой синтаксической связи имеет в русистике обширную предысторию [Гвоздев 1965; Валгина 1972; Норман 1980; Ицкович 1982: 168–183; Лаптева 2009: 242–249 и др.]. Но в данном примере перед нами только один из случаев, когда понимание высказывания базируется на взаимодействии реального и вербального опыта.

Литературовед Т. Катаева, относясь вообще чрезвычайно пристрастно к поэтическому творчеству Анны Ахматовой, приводит в качестве примера одно ее двустишие (речь в нем идет о родной земле):

*В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем.*

И комментирует: «Стихи навзрыд или сочиняем навзрыд? По-русски она что хотела сказать?» (Т. Катаева. Анти-Ахматова).

Наречие *навзрыд* в русском языке обычно сочетается с глаголами плача (*плакать, рыдать, реветь, всхлипывать* и т.п.). В данном случае можно предположить наличие метонимического переноса: *сочинять навзрыд* – это ‘сочинять, плача громко (навзрыд)’. Но, судя по замечанию Т. Катаевой, возможно допустить в этом высказывании и наличие связи *стихи навзрыд* (с предшествующим синтаксическим стяжением, примерно как: ‘*стихи* [которые пишутся одновременно с плачем] *навзрыд*’ или ‘*стихи* [которые настолько эмоциональны, что их можно сравнить с плачем] *навзрыд*’). По-видимому, пределы, которые ставит сам язык применительно к варьированию синтаксической структуры высказывания, очень широки и размыты.

Неосознанная и страшноватая ученическая боязнь и суета возникли в нем и одновременно особая отличниковская старательность (А. Битов. Сад).

Однородные существительные *боязнь* и *суета*, составляющие в предложении группу подлежащих, имеют при себе несколько определений. Однако относятся ли эти определения только к первому из существительных *боязнь* или же к обоим – *боязнь* и *суета*, – неясно. Правила русской грамматики допускают и ту, и другую трактовку (эта проблема в русистике тоже обсуждалась уже давно, см.: [Гвоздев 1965: 388–389] и др.). Однако в дело могут вмешаться устои ментального мира собеседников. А. Мустайоки приводит в этой связи следующие примеры:

Нина изучает китайский язык и литературу.

Нина изучает китайский язык и биологию.

Нина изучает китайский язык и философию [Мустайоки 2015: 545–546].

В зависимости от внутренней связи объединяемых сочинительной связью понятий (*язык и литература, язык и биология* и т.п.), носитель языка склонен трактовать их порознь или же совместно, как группу. Варианты толкования, резюмирует ученый, создают «риск для успешного общения» и служат основой коммуникативных неудач. Но здравый смысл не оставляет реципиента наедине с этими проблемами.

В нашем же случае читателю, по-видимому, проще распространить характеристики *неосознанная, страшноватая, ученическая* на всю группу подлежащего, поскольку значения слов *боязнь* и *суета* содержат в себе общие семы: это ‘отрицательная эмоция’, ‘тревога’, ‘неуверенность’ и т.п. Таким образом сведения о мире восполняют и корректируют языковые знания.

Естественно, ситуация семантико-синтаксической омонимии в изобилии представлена и в публицистических текстах. Приведем только один пример.

Во времена, когда в стране «рулило» политбюро, люди в костюмах считали: они лучше знают, что нужно народу. Теперь народу предлагают все подряд... (Аргументы и Факты. 2019. № 1).

Словоформа *в костюмах* в принципе может быть истолкована двояко: возможна как связь *люди в костюмах*, так и *считали в костюмах*. В первом случае словоформа принимает на себя роль несогласованного определения, во втором – обстоятельства образа действия. Но если *люди в костюмах* – совершенно естественное для читателя сочетание, за которым встает определенный образ (чиновника, функционера), то *считать в костюмах* – ситуация искусственная и странная, и в коммуникативной практике читателя она вряд ли встречалась. Поэтому он безоговорочно отдает приоритет первому прочтению. Получается, что «знания о мире» направляют и корректируют тот семантический поиск, который реципиент может себе позволить на основании языковых данных.

Эта взаимообусловленность и взаимодействие двух видов информации (вербальной и реальной) в сознании носителя языка по-своему свидетельствуют о том, что структурный и когнитивный подход к средству общения не исключают друг друга, а в чем-то пересекаются и даже нуждаются друг в друге. Речь идет, в частности, о сфере прагматики.

Грамматика и прагматика?

Приведенные факты говорят о прагматической «подоплеке» грамматики. Выбор и освоение того или иного грамматического значения обусловлены системой ценностей говорящего и слушающего, их «здравым смыслом» и стремлением к коммуникативному взаимодействию. Именно к такому выводу приходил известный американский лингвист Дж. Филлмор, анализируя конкретные факты английского и японского языков. Он показывал, что выбор прагматической конвенции предшествует в сознании говорящего выбору грамматического варианта [Fillmore 1996: 54]. Речевая интенция говорящего подчинена планируемому иллокутивному эффекту и учитывает особенности коммуникативной ситуации, в том числе и личность слушающего. В нашем же случае мы хотим только подчеркнуть взаимодействие элементов реального и вербального опыта в ходе восприятия и семантизации фразы.

Для того, чтобы понять адресованный ему текст, слушающий (в частном случае – читатель) должен осуществить его синтаксический анализ [Хоккетт 1965: 141]. Но опорой и руководством к этому служит соотнесение формирующегося смысла конкретной фразы с когнитивным универсумом, уже заложенным в голове человека. В российском языкознании этот подход получил наименование Принципа приоритета. «Какой смысловой вариант важнее (выгоднее, перспективнее)?» – вот вопрос, неосознанно присутствующий в сознании реципиента. Прочитируем статью, специально посвященную данному вопросу: «Большинство синтаксических процессов, связанных как с выделением тех или иных составляющих (выдвижение в престижную синтаксическую позицию, трансформация подъема, расщепление валентности), так и с их частичной или полной редукцией (всевозможные понижения, опущения, совмещения), есть не просто формальная игра в синтаксическую синонимию, а механизм, специально предназначенный для приоритетного выражения прагматической значимости тех или иных элементов сообщения» [Бергельсон, Кибрик, 1987: 61]. Как мы могли наблюдать, трактовка не только синтаксических конструкций, но и морфологических форм находится в зависимости от того фрейма, который говорящий и слушающий, в соответствии со своими прагматическими приоритетами, выстраивают в своем сознании.

Заключение

Таким образом, если высказывание своей структурой ставит адресата в тупик или дает основания для различной расстановки синтаксических связей и, соответственно, двоякого толкования, то слушающий (в частном случае читатель) выбирает из них тот вариант, который согласуется с его языковой и реальной картиной мира – по крайней мере до тех пор, пока следующее высказывание не заставит его изменить семантическую гипотезу. При этом соотношение разных видов информации в данном процессе, в том числе «доля» лексических и синтаксических значений, может быть различной – в соответствии с многоканальной природой коммуникации.

Литература

- Адмони В.Г.* Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // *Филологические науки*. 1961. № 3. С. 3–15.
- Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах* / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 52–63.
- Валгина Н.С.* О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // *Русский язык в школе*. 1972. № 5. С. 99–104.
- Гвоздев А.Н.* Об одной проблеме стилистики. В кн.: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1965. С. 380–395.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 336 с.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.

Лантева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2009. 413 с.

Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Ред.: А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 543–559.

Норман Б.Ю. К вопросу о двусторонней синтаксической связи // *Русский язык в школе*. 1980. № 4. С. 84–87.

Норман Б. Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики // *Slavica Nitriensia*. 2013. № 1. С. 5–17.

Хоккетт Ч. Грамматика для слушающего. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 139–166.

Dietrich R. Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: Metzler, 2007. 264 p.

Fillmore Ch. J. The pragmatics of constructions. In: *Social Interaction, Social Context, and Language. Essays in Honor of Susan Ervin-Tripp* / Ed. by D.I. Slobin et al. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. P. 53–69.

Jackendoff R. Patterns in the mind. Language and human nature. BasicBooks, 1994. 246 p.

Schaner-Wolles Ch., Haider H. Spracherwerb und Kognition – Eine Studie über interpretative Relationen. In: Bayer J. (Hrsg.). *Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. P. 41–80.

Tallerman M. Understanding Syntax (Understanding Language Series). London et al.: Arnold, 1998. 226 p.

UNDERSTANDING COMPRESSED OR AMBIGUOUS PHRASE: COMBINATION OF VERBAL AND REAL READER'S EXPERIENCE

Boris Yu. Norman

Doctor of Philology, Professor
department of Slavonic and Theoretical Linguistics
Belarussian State University
4 Nezavisimosti ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030;
leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography
Ural Federal University
51 Lenin ave., Ekaterinburg, Russian Federation, 620083
boris.norman@gmail.com

The aim of the article is to describe the patterns of perception and understanding of utterances that appeared as a result of transformations in the speaker's internal speech and can be interpreted differently by the listener (in a particular case by the reader). The interaction in this process of lexical and grammatical meanings with the cognitive experience of a native speaker is shown. Examples from modern fiction in Russian with comments (interpretation) are given. Using the psycholinguistic approach, the appearance in the text of deviations in the choice of morphological forms and syntactic constructions, as well as violation of the rules of lexical compatibility are explained. A particular attention is paid to the situation of syntactic homonymy (when a different syntactic dependence

can be attributed to a word form within a phrase). A connection has been established between the internal structural transformations that occur in the consciousness of the speaker and the listener with the general trends in the development of the modern Russian language grammar. Among them, tendency to weaken syntactic relations, activation of the nominative case form, reliance on lexical-semantic associations, compression of the syntactic structure, and some others are considered. It is concluded that the combination of a structural and cognitive approaches to the text can be productive (fruitful) in terms of pragmatics.

Keywords: speaker, listener, perception, understanding, internal transformation, lexical meaning, grammatical meaning, syntactic structure, priority principle

References

Admoni V.G. Partiturnoe stroenie rechevoj cepi i sistema grammaticeskikh znachenij v predlozhenii [The musical structure of the speech chain and the system of grammatical meanings in the sentence]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1961, Issue 3. P. 3–15. (In Russian).

Akimova G.N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka [New in the syntax of modern Russian language]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1990. 168 p. (In Russian).

Bergel'son M.B., Kibrik A.E. Pragmaticeskij princip prioriteta i ego otrazhenie v grammatike jazyka [The pragmatic principle of priority and its reflection in the grammar of the language]. *Modelirovanie jazykovoj dejatel'nosti v intellektual'nyh sistemah* [Modeling linguistic activity in intelligent systems] / Eds.: A.E. Kibrik & A.S. Narin'jani. Moscow: Nauka, 1987. P. 52–63. (In Russian).

Valgina N.S. O dvustoronnej sintaksicheskoj svjazi v sovremennom russskom jazyke [About bilateral syntactic communication in modern Russian language]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1972, Issue 5. P. 99–104. (In Russian).

Gvozdev A.N. Ob odnoj probleme stilistiki [About one problem of stylistics]. In: *Gvozdev A.N. Oчерki po stilistike russkogo jazyka* [Essays on the style of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Prosveshhenie, 1965. P. 380–395. (In Russian).

Zvegincev V.A. Mysli o lingvistike [Thoughts on Linguistics]. Moscow: Moscow University Publ., 1996. 336 p. (In Russian).

Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Shirjaev E.N. Russkaja razgovornaja rech': Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Russian Conversation: General Issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Russian).

Ickovich V.A. Oчерki sintaksicheskoj normy [Essays on the syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russian).

Lapteva O.A. Rechevye vozmozhnosti tekstovoj omonimii [The speech features of text homonymy]. 3rd ed. Moscow: URSS Publ, 2009. 413 p. (In Russian).

Mustajoki A. Kommunikativnye neudachi skvoz' prizmu potrebnostej govornjashhego [Communicative failures through the prism of the speaker's needs]. *Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Eds.: A.A. Kibrik & A.D. Koshelev. Moscow: JSK Publ. 2015. P. 543–559. (In Russian).

Norman B.Ju. K voprosu o dvustoronnej sintaksicheskoj svjazi [To the question of two-way syntactic connection]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1980, no. 4. S. 84–87. (In Russian).

Norman B. Sapogi Italija, vanna Novokuzneck, krysha cherepica... O diskursivnoj obuslovlennosti grammatiki [Sapogi Italija, vanna Novokuzneck, krysha cherepica... On discursive conditioning of grammar]. *Slavica Nitriensia*. 2013, Issue 1. P. 5–17. (In Russian).

Hokkett Ch. Grammatika dlja slushajushhego [Grammar for the Hearer]. In: *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. IV. Moscow: Progress Publ., 1965. P. 139–166. (In Russian).

Dietrich, R. (2007). *Psycholinguistik*. 2. Auflage. Weimar: Metzler.

Fillmore, Ch. J. (1996). The pragmatics of constructions. In: *Social Interaction, Social Context, and Language. Essays in Honor of Susan Ervin-Tripp* / Ed. by D.I. Slobin et al. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 53–69.

Jackendoff, R. (1994). *Patterns in the mind. Language and human nature*. BasicBooks.

Schaner-Wolles, Ch., Haider, H. (1987). Spracherwerb und Kognition – Eine Studie über interpretative Relationen. In: Bayer J. (Hrsg.). *Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen*. Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 41–80.

Tallerman, M. (1998). *Understanding Syntax* (Understanding Language Series). London et al.: Arnold.